

Джуд Деверо
Незнакомец под луной
Серия «Лунный свет», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8349907
Незнакомец под луной: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084238-4

Аннотация

Один из лучших любовных романов за всю историю этого жанра!

Книга, которая снова и снова покоряет сердца читательниц во всех странах мира!

Ким Олдредж, процветающий ювелир, богата, известна... и одинока. В сущности, из всех мужчин по-настоящему ее сердце тронул лишь Трэвис Меррит, друг ее детских лет, который вдруг таинственно исчез, даже не попрощавшись.

Но однажды прошлое становится настоящим: Трэвис, теперь знаменитый адвокат, снова врывается в жизнь Ким.

Мальчик и девочка повзрослели. Неужели теперь они чужие друг другу? А может быть, настоящая любовь, рожденная однажды, не умирается никогда?..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	22
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джуд Деверо

Незнакомец под луной

© Deveraux, Inc, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

Эдилин, Вирджиния

1993 год

За все свои восемь лет Ким еще никогда не изнывала от скуки так, как сейчас. Она даже не подозревала, что такое бывает. Мать велела ей идти в большой сад, окружавший старый дом Эдилин-Мэнор, и играть, но что ей там делать одной?

Две недели назад отец увез брата на рыбалку в какой-то дальний штат.

– Мужское рабство, – назвала это мать, а потом добавила, что она не собирается оставаться одна в этом доме, да еще на целых четыре недели! В ту ночь Ким проснулась от громких голосов. Родители ссорились. Обычно они не скандалили, во всяком случае, при ней, и в мозгу сразу всплыло слово «развод». Она до смерти боялась жить без родителей.

Но утром они целовались, и все, похоже, было лучше некуда. Отец твердил, как хорошо жить в мире, а мать на него шикала.

В тот день она сказала Ким, что, пока отец и брат будут рыбачить, они переберутся в одну из квартир Эдилин-Мэнора. Ким это не понравилось, потому что она ненавидела старый дом. Слишком большой, и шаги отдаются эхом. Кроме того, каждый раз, когда она бывала там, оказывалось, что мебели все меньше, а пустота становилась все более пугающей.

Отец объяснил, что мистер Бертран, старик, живший в доме, продавал семейную мебель, вместо того чтобы устроиться на работу и зарабатывать себе на жизнь.

– Он бы продал дом, если бы мисс Эди позволила, – добавил он.

Мисс Эди была старшей сестрой мистера Бертрانا. И хотя не жила с ним, все же была владелицей дома. Ким слышала от людей, что она так ненавидела брата, что отказывалась бывать в Эдилине.

Ким представить не могла, что кто-то способен не любить Эдилин, тем более что все, кого она знала, жили здесь. Ее отец был Олдреджем и происходил из одной из семи семей, основавших город. Ким знала, что это нечто такое, чем можно гордиться. И радовалась, что она не из той семьи, которой приходится жить в большом пугающем Эдилин-Мэноре.

Но теперь она и мать жили здесь целых две недели, и она умирала от скуки. Очень хотелось вернуться в свой дом и свою комнату. Когда они собирали вещи, мать сказала:

– Мы уезжаем ненадолго и недалеко, только за угол свернуть, так что совершенно ни к чему брать это.

«Это» были почти все вещи Ким: книги, игрушки, куклы, наборы ювелирных инструментов. Но мама, похоже, считала все это ненужным.

Ким все-таки успела схватить велосипед, подарок на день рождения, вцепилась в руль и, упрямо выдвинув подбородок, уставилась на мать.

Отец рассмеялся.

– Эллен, – сказал он жене, – я тысячу раз видел у тебя этот взгляд и могу заверить, что твоя дочь не отступит. По опыту знаю, что ты можешь кричать, угрожать, уговаривать, умолять, заклинать, плакать, но она не сдастся.

Мать, недобро прищурившись, взглянула на смеющегося мужа.

Тот сразу стал серьезным:

– Рид, как насчет того, чтобы пойти...

– Пойти? Куда, папа?

В свои семнадцать Рид был в восторге от собственной значимости. Подумать только, он уезжает с отцом! И никаких женщин! Только они вдвоем.

– Не важно. Лишь бы вовремя убраться, – пробормотал отец.

Ким взяла велосипед в Эдилин-Мэноре и три дня с него не слезала. Но теперь очень хотелось заняться чем-то еще. Ее кузина Сара как-то пришла в гости, но оказалось, что ей не терпится обшарить противный обшарпанный, кишевший крысами дом. Сара обожала старые здания!

Мистер Бертран вытащил из груды валявшихся на полу книг «Алису в Стране чудес». Мама сказала, что книжный шкаф он продал в Колониальный Вильямсбург.

– Подлинный восемнадцатый век и принадлежал семье свыше двухсот лет, – шипела она. – Какой позор! Бедная мисс Эди!

После этого Ким целыми днями читала об Алисе и ее путешествии сквозь кроличью нору. И так полюбила книгу, что заявила матери: она хочет иметь светлые волосы и голубое платье с белым передником. Мать ответила, что если отец Ким еще раз отправится на четыре недели неизвестно куда, ее следующий ребенок вполне может оказаться блондином. Мистер Бертран сказал, что хотел бы целыми днями курить кальян, восседая на грибе, и изрекать мудрые вещи.

Взрослые стали смеяться: похоже, каждый находил другого весьма забавным.

Ким стало так противно, что она выскочила в сад и устроилась в развилке сучка любимой старой груши, чтобы спокойно почитать про Алису. Перечитала любимые страницы, и тут мать позвала ее на то, что мистер Бертран называл пятичасовым чаем. Он был странным стариком, очень слабым на вид, и отец говорил, что он мог бы снести яйцо на диване, потому что никогда с него не встает.

Ким знала, что в городе мало кто из мужчин любил мистера Бертрана, зато все женщины обожали. Бывали дни, когда сразу полдюжины женщин приходили к нему с вином, запеканкой или пирожными, и все громко смеялись. А при виде Ким все, как одна, говорили:

– Нужно было привести с собой...

И называли имена своих детей.

Но кто-то обязательно возражал, что неплохо бы побыть несколько часов в мире и покое.

Когда женщины придут в следующий раз, наверняка «забудут» привести детей.

Стоя за дверью и слушая, как взрослые закатываются смехом, Ким думала, что сами они ведут себя не слишком мирно и спокойно.

Прошло две недели с тех пор, как они жили здесь, и Ким как-то утром заметила, что мать непривычно взволнована. Вот только чем? Ночью случилось что-то. Что-то взрослое. Но Ким больше волновало то обстоятельство, что «Алиса» куда-то пропала. У Ким была единственная книга, и вот теперь ее нигде нет!

Она спросила мать, куда девалась книга, потому что твердо знала: вечером «Алиса» лежала на журнальном столике.

– Вчера я отнесла ее...

Но тут зазвонил старый, висевший на стене телефон, и мать побежала взять трубку, после чего сразу же захохотала.

Ким, досадливо вздохнув, вышла из дома. Похоже, жизнь с каждым часом становится все хуже.

Она попинала камешки, хмуро оглядела пустые цветочные клумбы и не спеша направилась к старой груше. Может, взобраться повыше, посидеть на ветке и подумать, чем занять бесконечные оставшиеся недели до возвращения отца, когда жизнь начнется снова?

Уже подходя к дереву, она вдруг остановилась как вкопанная. Незнакомый мальчик, младше ее брата, но старше самой Ким. Одетый в чистую рубашку с воротничком и темные брюки, он выглядел так, словно собрался в воскресную школу. И что всего хуже, сидел на ее дереве, читая ее книгу.

Темные волосы падали на лоб, но он был так погружен в ее книгу, что даже не поднял глаз, когда Ким пинком подняла облако пыли.

Интересно, кто он? И какое право имеет на ее дерево?

Ким не знала, кто или что, но знала одно: она хочет, чтобы этот незнакомый мальчишка убрался.

Она подняла ком грязи и со всех сил швырнула в него. Целилась в макушку, но попала в плечо. Комок разбился, и грязь посыпалась на ее книгу.

Он глянул на нее, сначала немного растерянно, но тут же взял себя в руки. И даже слова не сказал!

Красивый парнишка... не такой, как ее кузен Тристан, скорее как кукла, которую она видела в каталоге: розовая кожа и очень темные глаза.

– Это моя книга! – завопила она. – И мое дерево! У тебя нет на них права!

Она схватила еще один ком и бросила в него. И едва не попала в лицо, но мальчик слегка отклонился, и ком пролетел мимо.

У Ким был достаточный опыт в общении с парнями постарше, и она знала, что такое с рук не сойдет. Для того чтобы завести их, немного надо, но тогда тебе мало не покажется! Погонятся за тобой, поймают, заломят руки за спину или начнут дергать за волосы, пока не взмолишься о пощаде.

Увидев, что мальчик вроде собирается слезть, Ким со всех ног помчалась прочь. Может, она еще успеет добежать до того места, что считала классным укрытием? Успела! Втиснула тощее тельце между двумя горами старых кирпичей, согнулась в три погибели и стала ждать, когда появится мальчишка.

Прошло, казалось, не меньше часа, но он так и не появился, а ноги противно заныли. Ким осторожно и бесшумно выбралась наружу и оглянулась, ожидая, что он сейчас выскочит из-за дерева с криком: «Попалась!» – и станет бомбардировать ее комьями грязи.

Но ничего такого не случилось. Большой сад был так же тих и спокоен, и мальчика нигде не было видно.

Она забежала за дерево. Еще подождала и прислушалась. Нырнула за другое дерево и опять подождала. Ничего. Прошло довольно много времени, прежде чем она вернулась к «своему» дереву, и то, что увидела, ошеломило ее.

На земле, как раз под ее веткой, стоял мальчик. Держал книгу под мышкой и, казалось, тоже ждал.

Неужели это новая мальчишечья хитрость, о которой она не слыхала? Может, так чужие мальчишки, те, кто не живет в Эдилине, поступают с девчонками, которые бросаются в них грязью? Если она подойдет ближе, он ей врежет?

Должно быть, она издала какой-то звук, потому что он обернулся и уставился на нее.

Ким заскочила за дерево, готовая защищаться от всего, что в нее полетит, но ничего не полетело. Через несколько секунд она решила, что не годится выглядеть напуганной кошкой, и выступила на открытое пространство.

Мальчик медленно направился к ней, и Ким приготовилась сорваться с места. Не стоит слишком близко подпускать мальчишек, в которых первая швыряешься землей. Они гордятся своими меткостью и проворством.

Ким затаила дыхание, когда он подошел на расстояние, не позволявшее ей удрать.

– Прости, что взял твою книгу, – тихо сказал он. – Мне одолжил ее мистер Бертран, а я не знал, что она чужая. И не знал, что это дерево твое. Прости, пожалуйста.

Потрясенная девочка потеряла дар речи. Мать говорила, что мужчины не знают значения слова «прости». Но этот знал.

Она взяла книгу, которую он ей протягивал. Мальчик повернулся и пошел к дому. Он был уже на полпути, когда она обрела способность говорить.

– Погоди! – крикнула Ким и изумилась, когда он остановился. Никто из кузенов никогда ее не слушался.

Она подошла к нему, крепко прижимая книгу к груди.

– Кто ты?

Если он назовется пришельцем с другой планеты, Ким не удивится.

– Трэвис... Меррит. Мы с мамой приехали поздно ночью. А ты кто?

– Кимберли Олдредж. Мы с мамой живем здесь, пока отец и брат рыбачат в Монтане.

Он кивнул, словно сказанное было очень важным.

– А мы будем жить здесь.

Он показал на квартиру на другом конце большого дома.

– Мой отец в Токио.

Ким никогда не слышала о таком месте.

– Ты живешь по соседству?

– Не в этом штате.

Она смотрела на него и думала, что он очень похож на куклу, потому что не улыбается и даже не слишком много двигается.

– Мне нравится книга, – заметил он. – Раньше мне не попадалось ничего подобного.

Ким по опыту знала, что мальчишки вообще ничего не читают сверх программы. Если не считать ее кузена Триса. Но он читал только о психах, так что это не считается.

– Что ты читаешь? – спросила она.

– Учебники.

Она ожидала, что Трэвис что-нибудь добавит к этому списку, но тот молчал.

– А что ты читаешь для развлечения?

Он слегка нахмурился.

– Предпочитаю научные книги.

– Вот как...

Похоже, он понял, что от него ждут большего.

– Отец говорит, что мое образование очень важно, а мой наставник...

– А кто это?

– Человек, который меня обучает.

– Вот как, – снова пробормотала она, хотя понятия не имела, о чем идет речь.

– Я учусь дома. Хожу в школу в доме моего отца, – пояснил он.

– Не слишком-то весело, – заметила Ким.

Впервые за это время он слегка улыбнулся.

– Могу удостоверить, что совсем невесело.

Ким не знала, что означает «удостоверить», но вполне могла догадаться.

– Я умею развлекаться, – сказала она самым что ни на есть взрослым голосом. – Хочешь, покажу как?

– Я бы очень этого хотел. Откуда начнем?

Она немного подумала:

– На заднем дворе большая куча земли. Я покажу, как на нее въезжать, а потом спускаться. Можно при этом вытянуть руки и ноги. Пойдем за велосипедом! – крикнула она и побежала.

Но оглянувшись, обнаружила, что его сзади нет. Она вернулась. Он стоял на месте.

– Боишься? – издевательски хмыкнула она.

– Не думаю, но я никогда не катался на велосипеде и считаю, что ты слишком мала, чтобы меня учить.

Ким не понравилось, что она «слишком мала», чтобы что-то делать. Теперь он вел себя, как обычный мальчишка.

– Никто не собирается учить тебя кататься на велосипеде. И меня никто не учил, – бросила она, зная, что лжет. Отец несколько дней поддерживал велосипед, пока она не научилась сохранять равновесие.

– Ладно, – серьезно ответил он. – Попытаюсь.

Велосипед был слишком мал для него, и едва сев, он тут же свалился лицом вниз. Вскочил, выплевывая грязь, под взглядом Ким. Неужели он маменькин сынок и сейчас побежит жаловаться на нее?

Но он вытер рот рукавом и растянул рот до ушей в широкой улыбке.

– Ура! – завопил он и снова полез на велосипед.

К обеду он объезжал земляной холм быстрее, чем когда-либо осмеливалась Ким, и то и дело задирает переднее колесо, словно собирался прыгнуть через препятствие.

– Ну как я? – спросил он Ким, вихрем скатившись с земляного холма и остановившись перед ней.

Теперь он совсем не походил на того мальчика, которого она впервые увидела утром. Рубашка порвалась на плече, а сам он был покрыт грязью с головы до ног. На щеке расцвел синяк: это Трэвис едва не столкнулся с деревом, но, вовремя свернув влево, задел за кору. Даже зубы были черными.

Прежде чем Ким успела ответить, он оглянулся и застыл, превратившись в подобие куклы.

– Мама!

Ким повернулась и увидела маленькую женщину, довольно хорошенькую, какими бывают матери на картинках, но вместо румянца, как у Трэвиса, щеки ее покрывала смертельная бледность. Она походила на стертую, выцветшую, более старую копию сына.

Не говоря ни слова, она встала между детьми и медленно оглядела Трэвиса с головы до ног.

Ким затаила дыхание. Если женщина пожалуется матери на то, что из-за нее испачкался Трэвис, Ким накажут.

– Ты научила его кататься на велосипеде? – спросила женщина.

Трэвис загородил собой Ким.

– Мама, она всего лишь маленькая девочка. Я сам научился. Сейчас пойду умоюсь.

Он шагнул к дому.

– Нет! – воскликнула миссис Меррит. Трэвис оглянулся на нее. Она подошла к нему и обняла.

– Ты никогда еще не выглядел лучше!

Она поцеловала его в щеку. Улыбнулась, вытерла грязь с губ и повернулась к Ким:

– Вы, молодая леди... – начала она, но осеклась, нагнулась и обняла Ким. – Ты чудесный ребенок. Спасибо!

Ким ошеломленно смотрела на женщину.

– Играйте, дети. Что, если я принесу вам обед сюда? Устроите пикник? Любишь шоколадный торт?

– Да, – кивнула Ким.

Миссис Меррит шагнула к дому, но Ким крикнула ей в спину:

– Ему нужен свой велосипед.

Миссис Меррит оглянулась, и Ким окаменела от страха. Она впервые приказывала взрослым.

– Он... – уже тише сказала она – Мой велосипед слишком ему мал. Ноги волочатся.

– А что еще ему нужно? – вдруг спросила миссис Меррит.

– Бейсбольный мяч и бита, – заявил Трэвис.

– И ходуля пого, – добавила Ким – И...

Она прикусила язык, потому что миссис Меррит подняла руку.

– У меня не так много денег, но посмотрим, что можно сделать.

Она вошла в дом, но вскоре вернулась и принесла сэндвичи и лимонад, а позже – и два больших куса свежее испеченного шоколадного торта. К этому времени Трэвис в совершенстве постиг езду на заднем колесе, и она наблюдала за ним со смесью ужаса и благоговения.

– Кто бы мог подумать, что ты прирожденный атлет, Трэвис, – ахнула она, перед тем как уйти.

В начале вечера Ким услышала голос дяди Бенджамина, отца кузена Рамзи.

– Хо-хо-хо! – прогремел он. – Кто заказывал Рождество в июле?

– Мы! – взвизгнула Ким, и Трэвис побежал за ней к большому минивэну дяди.

Дядя Бен выкатил из задней дверцы большой сверкающий голубой велосипед.

– Мне велено передать это самому грязному мальчишке в Эдилине. Думаю, это ты.

Трэвис ухмыльнулся. Его зубы по-прежнему были черными, а в волосах застряла глина.

– Это мне?

– От твоей матери, – пояснил дядя Бен и кивнул в сторону входной двери.

На крыльце стояла миссис Меррит, и Ким, конечно, не была уверена, но выглядела она так, словно плакала. Впрочем, этого просто быть не может! Для любого человека велосипед – повод посмеяться, а не поплакать.

Трэвис подбежал к матери и обнял ее за талию.

Ким в изумлении смотрела на него. Ни один ее знакомый двенадцатилетний мальчик никогда ничего подобного не сделает. Какой стыд: обнимать маму в присутствии других людей!

– Славный парень, – пробормотал Бен. Ким повернулась к нему.

– Не говори матери, но я заходил к вам в дом и устроил небольшую уборку.

Он снова открыл заднюю дверь машины, и Ким заглянула внутрь. Там лежало пять ее любимых книг, кукла, набор ювелирных инструментов и на самом дне – прыгалка!

– Прости, никаких ходуль, но я привез одну из старых бит Рама и несколько мячей.

– Ой, спасибо, дядя Бен! – выдохнула она и по примеру Трэвиса обняла его.

– Знай я, что придется это везти, заодно купил бы тебе пони.

Глаза Ким превратились в блюдца.

– Не говори маме, что я сказал тебе такое, иначе она с меня шкуру сдерет.

Трэвис отошел от матери и молча любовался велосипедом.

– Как, по-твоему, сможешь на нем ездить? – спросил дядя Бен. – Или осилил только детский велосипед?

– Бенджамин! – укоризненно воскликнула мать Ким, вышедшая посмотреть, что происходит. Мистер Бертран по-прежнему был в доме. Насколько было известно всему городу, он никогда не выходил в сад.

«Слишком ленив, чтобы повернуть дверную ручку», – как-то сказал отец Ким.

Трэвис очень серьезно посмотрел на дядю Бенджамина, после чего взял велосипед и с головокружительной скоростью помчался вокруг дома. А когда послышался грохот, дядя Бен положил руку на плечо миссис Меррит, которая рвалась на помощь сыну.

С другой стороны дома снова раздался грохот, после чего Трэвис наконец к ним вернулся. Еще более чумазый. Рубашка висела лохмотьями. На верхней губе кровь.

– Проблемы? – спросил дядя Бен.

– Никаких, – ответил мальчик, глядя ему в глаза.

– Молодец! – воскликнул дядя Бен, сильно хлопнув его по плечу. – Но мне пора.

– А где вы работаете? – спросил Трэвис по-взрослому.

– Я адвокат.

– Это хорошая профессия?

Глаза дяди Бена весело сверкнули. Но он не засмеялся.

– Помогает оплачивать счета и имеет свои светлые и темные стороны. Подумываешь изучать закон?

– Я всегда восхищался Томасом Джефферсоном.

– В таком случае ты правильно выбрал путь, – широко улыбнулся дядя Бен. – Вот что, старина Трэвис, когда закончишь юридический факультет, приходи ко мне.

– Обязательно, сэр, и спасибо.

Сейчас он снова казался очень взрослым, если бы не грязь, торчавшие в волосах веточки и синяки, делавшие его ужасно смешным.

Но дядя Бен и не думал смеяться.

– Хороший парень. Поздравляю, – сказал он миссис Меррит.

Та обняла сына за плечи, но он увернулся. Очевидно, не хотел, чтобы дядя Бен увидел, как он привязан к матери.

Все смотрели вслед отъезжавшему дяде Бену. Наконец мать Ким сказала:

– Дети, идите играть. Позовем вас к ужину, а потом можете половить светлячков.

– Да, – согласилась миссис Меррит, – идите играть.

Вид у нее был такой, словно она годами ждала, чтобы сказать это сыну.

– А мистер Бертран поучит меня шить.

– Люси, – укоризненно покачала головой мать Ким, – мне следует предупредить, что Бертран использует вас как бесплатную рабочую силу. Он хочет, чтобы вы починили шторы и...

– Знаю, – кивнула Люси Меррит. – Ничего страшного. Я хочу научиться чему-то полезному, а шитье – занятие не хуже других. Как по-вашему, он продаст мне швейную машинку?

– Думаю, он продал бы вам даже собственные ноги. Потому что крайне редко ими пользуется.

Люси засмеялась.

– Пойдемте, я покажу, как заправлять нитку в машину, – предложила мама Ким.

Целых две недели Ким жила там, где, по ее представлениям, находится рай. Они с Трэвисом были неразлучны с рассвета до заката.

Он с таким азартом пустился в развлечения, словно был рожден для этого, что, по словам мамы Ким, было вполне естественно.

Пока они играли в саду, женщины и мистер Бертран шили и беседовали. Люси Меррит сидела за старой швейной машинкой «Бертина» и старательно чинила все шторы в доме.

– Чтобы он мог продать их подороже, – пробор мотала мать Ким.

Люси купила ткань и сшила новые занавески для ванн и кухни.

– Вы платите за квартиру, – напомнила мама Ким. – Не стоило платить еще и за ткань.

– Все нормально. Мне не стоит экономить. Рэндалл заберет все, что я не потрачу.

Миссис Олдредж знала только, что Рэндалл – муж Люси, но ничего больше.

– Хотелось бы знать, что все это означает, – пробормотала она.

Но Люси ответила, что и без того сказала слишком много.

Вечером дети неохотно отправлялись по квартирам. Матери умывали их, кормили и укладывали. Наутро дети снова выбегали в сад. Как бы рано ни поднялась Ким, Трэвис уже ждал ее на задах дома.

Как-то вечером Трэвис сказал:

– Я вернусь.

Ким не поняла, о чем он.

– Я уеду, но потом вернусь.

Она не хотела отвечать, потому что не хотела представлять, как он уедет. Они вместе взбирались на деревья, рылись в грязи, катались на велосипедах. Она бросала мяч, а Трэвис отбивал его бейсбольной битой. Ким очень нервничала, когда вынесла во двор куклу. Мальчики терпеть не могут кукол. Но Трэвис пообещал построить для нее дом, и построил. Из листьев, палочек, а внутри была кровать, которую Ким выложила мхом. Пока Трэвис делал крышу она взяла набор ювелирных инструментов и сделала два ожерелья из пластмассовых бус. Трэвис улыбнулся, когда она накинула на него одну нитку, и наутро снова ее надел.

Когда становилось слишком жарко и было лень двигаться, они вытягивались на прохладной земле, в тени, и по очереди читали вслух «Алису» и другие книги. Ким читала гораздо хуже Трэвиса, но тот никогда не жаловался. Когда она спотыкалась на очередном слове, он ей помогал. Недаром говорил, что хорошо умеет слушать, так оно и оказалось.

Девочка понимала, что в свои двенадцать он гораздо старше нее. Но Трэвис, казалось, этого не замечал. Когда речь шла об учебе, он казался совсем взрослым. Объяснил ей весь жизненный цикл головастика и все насчет бабочек и коконов. И почему у луны бывают разные формы, и почему приходят зима и лето.

Но при всех своих знаниях он совсем не умел «печь блинчики» в воде. Никогда до приезда в Эдилин не взбирался на дерево. Даже локоть ни разу не ссадил.

Вот так и получилось, что они обучали друг друга. Хотя ему было двенадцать, а ей – только восемь, временами наставником становилась она, и это ужасно ей нравилось.

Все закончилось ровно через две недели после того, как началось. Как всегда на рассвете, Ким, еще не до конца проснувшись, выскочила черным ходом и помчалась к крылу где жили Трэвис и его мама.

Но Трэвис так и не вышел. И не ждал ее, как обычно. Поняв, что дело неладно, она принялась колотить в дверь и звать Трэвиса, не заботясь о том, что разбудит весь дом. Во двор выбежала мать в халате и шлепанцах:

– Кимберли! Что ты так вопишь?

– Где Трэвис? – всхлипнула девочка, сдерживая слезы.

– Да успокойся ты наконец? Возможно, они проспали.

– Нет! Что-то случилось!

Мать, поколебавшись, повернула ручку. Дверь открылась. Внутри никого. И никаких признаков, что здесь кто-то жил.

– Оставайся здесь, – велела мать. – Я узнаю, в чем дело.

Она поспешила к входу, но машины миссис Меррит не оказалось на месте. Было слишком рано будить мистера Бертрана, но мама Ким была так встревожена из-за Люси и ее сына, что, не раздумывая, шагнула внутрь.

Бертран спал на диване, доказывая этим, что подозрения окружающих не были беспочвенными. Похоже, на ночь он не уходил наверх, в спальню. И проснулся мгновенно, всегда готовый услышать хорошую сплетню.

– Солнышко, – пояснил он, – они умчались отсюда в два часа ночи. Я спал без задних ног, и Люси меня разбудила. Хотела знать, можно ли купить старую швейную машинку.

– Надеюсь, вы подарили ей эту древность.

– Почти. Попросил только пятьдесят долларов.

Миссис Олдредж нахмурилась.

– Куда они поехали? И почему среди ночи?

– Люси сказала только, что кто-то позвонил, сообщил, что ее муж возвращается, и ей нужно уехать.

– Но куда? Я должна позвонить ей, убедиться, что все в порядке.

– Она умоляла не звонить и не пробовать с ней связаться.

Он понизил голос:

– И добавила, что никто не должен знать, что они с Трэвисом были здесь.

– Все это звучит очень скверно.

Миссис Олдредж села на диван, но тут же вскочила.

– Господи! Что станет с Ким?! Я боюсь ей сказать. Она будет безутешна! Обожает этого мальчика.

– Славный парень, – согласился Бертран. – И кожа как фарфор. Надеюсь, он сохранит ее такой же и не позволит солнцу ее испортить, Думаю, своей коже я обязан привычке никогда не выходить на солнце.

Миссис Олдредж, хмурясь, пошла к Ким сказать, что ее друг уехал и что она скорее всего никогда его больше не увидит.

Ким отреагировала лучше, чем ожидала мать. Ни слез, ни истерик, по крайней мере на людях. Но прошло много недель, прежде чем девочка стала прежней.

Мать повезла ее в Вильямсбург, чтобы купить дорожную рамочку для единственного снимка, на котором были она и Трэвис. Дети стояли у велосипедов, грязные, и широко улыбались.

Как раз перед тем, как миссис Олдредж щелкнула затвором, Трэвис обнял Ким за плечи, а она его – за талию. Само детство смотрело на нее с этого снимка, который прекрасно выглядел в выбранной Ким рамке. Она поставила фото на тумбочку у кровати, чтобы видеть перед сном и когда просыпается.

Прошел месяц после исчезновения Трэвиса и Люси, когда Ким поставила на уши весь дом. Вся семья собралась за ужином, и Рид, старший брат Ким, спросил, что та собирается делать с велосипедом, который Трэвис оставил в Эдилин-Мэноре.

– Ничего, – отрезала Ким. – Я ничего не могу сделать из-за этого ублюдка, папаши Трэвиса!

Все окаменели.

– Что ты сказала? – прошептала мать, не веря ушам.

– Этого ублюд...

– Я тебя слышала! – перебила мать. – И не позволю восьмилетней девочке употреблять подобные слова в моем доме. Немедленно иди в свою комнату!

– Но ма... – начала сбитая с толку и готовая заплакать Ким. – Ты сама всегда так его называешь.

Мать, не отвечая, показала на дверь, и Ким вышла из-за стола. И не успела закрыть за собой дверь своей комнаты, как услышала взрыв смеха.

Ким взяла снимок Трэвиса и прошептала:

– Будь ты здесь, я научила бы тебя грязному слову.

Поставила снимок, растянулась на постели и стала ждать, пока папу пришлют «потолковать» с ней. Он обязательно принесет ей поесть, тайком, конечно. Он был милым и добрым, а на долю матери оставались строгость и дисциплина. Как несправедливо, что Ким наказали за то, что повторила слова, несколько раз слышанные от матери.

– Не родители, а ублюдки, – пробормотала Ким и прижала снимок к груди. Она никогда не забудет Трэвиса и никогда не перестанет на него смотреть!

Глава 1

Нью-Йорк

2011 год

Большой офис, занявший угол шестьдесят первого этажа. Окна от пола до потолка по двум стенам. Из окон открывается захватывающий дух вид на нью-йоркские небоскребы до самого горизонта. На двух других висят дорогие, выбранные дизайнером картины, не дающие, правда, представления о профессии владельца офиса. Посреди комнаты – письменный стол розового дерева. А кресло из стали и кожи занято Трэвисом Максвеллом. Высокий, широкоплечий, смугло-красивый...

Сейчас он, хмурясь, склонился над бумагами.

Еще одно чертово слияние. Еще одна компания, которую покупает отец. Неужели его желание владеть, властвовать, контролировать никогда не иссякнет?

Он услышал, что дверь офиса открылась, но даже не поднял головы.

– Да? Что там?

Барбара Пендергаст, для него – Пенни, миссис Пендергаст – для всех остальных, молча, выжидающе смотрела на него. Она не потерпит плохого настроения. У кого бы то ни было.

Не дождавшись ответа, Трэвис поднял голову и оглядел ее. Она была вдвое старше и вдвое тоньше. Но способна запугать и подавить любого. Кроме него.

– Простите, Пенни, что у вас?

Еще несколько лет назад она работала на его отца. Вместе они прошли от полунищего существования до того момента, когда Рэндалл Максвелл стал одним из самых богатых в мире людей. Когда Трэвис вошел в бизнес отца, Пенни решила ему помочь. Говорили, что протесты Рэндалла были слышны в шести кварталах отсюда.

Пенни выждала секунду, чтобы придать объявлению достаточно веса:

– Звонила ваша мать.

– Она... что?

Трэвис, забыв о слиянии, откинулся на спинку кресла и глубоко вздохнул, прежде чем спросить:

– С ней все в порядке?

– Я бы сказала, даже больше чем. Она хочет развестись с вашим отцом, потому что нашелся человек, за которого собралась выйти замуж.

Трэвис ошеломленно уставился на нее.

На Пенни был обычный, скучный на вид, но дорогой костюм. Волосы зачесаны назад. Она смотрела на него сквозь очки для чтения.

– Моя мать должна скрываться, не высовывать носа. Как я могу защитить ее, если она решила выйти на свет божий? И она с кем-то встречается?

– Думаю, вам стоит увидеть это, – посоветовала Пенни, протягивая ему фотокопию газетной статьи.

Газета была ричмондской. В статье рассказывалось о показе детской моды, который прошел в Эдилине, штат Вирджиния, где жила, вернее, скрывалась его мать.

Он пробежал глазами статью. Какая-то богатая женщина устроила роскошную вечеринку в честь дня рождения дочери, на которой показывалась одежда дизайнера Джессы Лейтон, считая...

Он снова уставился на Пенни.

– Считая мисс Люси Купер.

Трэвис отложил статью.

– Все не так плохо. «Купер» – вымышленное имя, а снимков и вовсе нет.

– Неплохо, пока ваш отец не решит снова пуститься на поиски. Ее любовь к шитью – верный способ засветиться.

– Что еще сказала мама?

– Ничего. Только это.

Она заглянула в блокнот.

– Цитирую: «Передайте Трэвису что мне нужен развод, потому что я хочу выйти замуж».

На этом она повесила трубку. Сами знаете, она считает, что вы, ее драгоценный сын, заставляет мир вращаться вокруг своей оси.

– Моя единственная нежная любовь, – улыбнулся Трэвис. – Она сказала, за кого собирается замуж?

Пенни окинула его взглядом.

Трэвис знал, что мать была крайне враждебно настроена по отношению к миссис Пендергаст. Много-много лет подряд Рэндалл оставлял жену и сына дома. Но никуда не ездил без Пенни.

– Конечно, не сказала, – усмехнулась Пенни. – Но, предупреждая вопрос, не думаю, что она настолько глупа... то есть недостаточно мудра, чтобы рассказать этому неизвестному типу, за кем она замужем. Так что вряд ли ему нужны ее деньги.

– Деньги, которые она украла у отца, или деньги, которые она получит при разводе? Я тщательно отслеживаю ее счета, но каких-то крупных расходов не видел. Мало того, – с гордостью добавил Трэвис, – она уже много лет живет на свои доходы.

– Имеете в виду то, что она зарабатывает на стотысячедолларовом оборудовании, тканях и мебели, которые приобрела на краденые деньги?

Трэвис одним взглядом дал понять, что с него довольно.

– Я позабочусь об этом, – отрезал он и тут же с ужасом представил будущее. Отец превратит развод в войну. И не важно, что жена не станет претендовать на его имущество и выплатит все, с чем убежала: жалкие гроши для него, хотя принадлежавшие ей по закону. Он сделает все, что в его власти, чтобы превратить жизнь жены в ад на земле. Четыре года назад Трэвис заключил с отцом сделку: он не станет работать на Рэндалла, если тот не оставит Люси в покое. Не станет переворачивать небо и землю, чтобы найти ее. А если найдет, не станет изводить. Сделка была достаточно простой. Все, что пришлось сделать Трэвису – продать душу дьяволу, то есть отцу, и мать будет спасена.

– Что-то еще? – поинтересовался он.

– Мистер Шепард спрашивал, не можете ли вы поужинать с ним сегодня?

Трэвис застонал. Он подготавливал документацию, необходимую, чтобы избавить компанию мистера Шепарда от банкротства. Поскольку тот основал дело тридцать лет назад, ужин будет не из приятных.

– Помогать отцу уничтожить компанию будет просто развлечением после сегодняшнего ужина!

– Что требуется от меня? – осведомилась Пенни с нотками сочувствия в голосе.

– Ничего... погодите! Разве у меня сегодня нет свидания?

– Лесли. Третье подряд, которое вы отменяете.

– Позвоните...

– Знаю. Тиффани.

Несмотря на все жалобы, при очередном взгляде на статью Трэвис невольно улыбнулся. Эдилин... место счастливейших мгновений его жизни. Поэтому мать сбежала именно туда.